

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-155-169

© К. А. Баршт

ПРАГМАТИКА ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Согласно традиции, изучение творчества писателя складывается как трактовка, в самых различных аспектах, его текстов, включая историю их создания, сюжетику, жанровую природу и пр., с не слишком глубоким интересом к телеологии коммуникативных процессов, сопровождающих литературную деятельность. Однако именно в ней заключен самый смысл творческих усилий любого автора. Ю. М. Лотман по этому поводу заметил: «Проблема текста органически связана с прагматическим аспектом. Прагматика текста часто бессознательно отождествляется исследователями с категорией субъективного в классической философии. Это обуславливает отношение к прагматике как к чему-то внешнему и наносному, что может увлечь в сторону от объективной структуры текста», — что, разумеется, не так: «прагматический аспект — это аспект *работы текста*, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне»,¹ им может быть либо другой текст, либо реципиент, превращающие произведение как принципиальный информационный полуфабрикат в полноценное эстетическое явление. Смысл литературной коммуникации тесно связан с прагматической задачей — сделать некое знание общим с адресатом сообщения. Об этом существует ряд исследований (Ч. Пирс, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, П. Грайс, Дж. Серль и др.). Прагматическую ситуацию задает именно авторский текст самим фактом своего существования, далее воспринимающий принимает или не принимает заданные правила его интерпретации. Автор, сознательно или бессознательно, конструирует в произведении своего читателя, воплощая в нем идеального, с его точки зрения, собеседника, готового понимать. Прагматические связи, которые реализует читатель, находятся в тексте на уровне структуры и вполне могут быть предметом анализа.

Философский прагматизм выдвигает требование, чтобы любое действие, суждение или предположение было нацелено на получение очевидных практических результатов, при отсутствии доказанных предпосылок к этому все остальное отвергается как нерелевантное и излишнее. Ф. М. Достоевский не был сторонником этой модели, исходя из того, что сама жизнь человека есть неразгаданная «тайна», и при отсутствии понимания ее сокровенного смысла окончательные выводы недопустимы. Однако он был знаком с книгами О. Конта «Курс позитивной философии» и «Система позитивной политики», в его творческих записях содержатся, оба негативные, отклики на творения философа,² которые не оставляют, по мнению писателя, пространства для развития нравственного чувства индивидуума. Проповедуемая в 1860-е годы левыми «реалистами» журналов «Русское слово» и «Современник» идея о выстраивании жизненного пути человека в полном соответствии с практической «пользой» не получила одобрения со стороны Достоевского; его идеология как мыслителя и художника была сориентирована в ином направлении, которое можно рассматривать как определяющий вектор его авторской судьбы в целом. В отличие от «нигилистов» «Русского слова» и «Современника», которые откровенно зомбировали публику материалистическими и утилитарными концепциями, в роли неких «новых идей», при принципиальном отказе от иных способов оценки окружающей действительности, с попыткой объяснить все вопросы мироздания с помощью сугубо рациональных доводов, Достоевский стоял на принципах своей «органической» философии, где важнейшее место

¹ Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избр. статьи. В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 152.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 9. С. 139; Т. 27. С. 194. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера тома и страницы арабскими цифрами.

занимало интуитивное чувство истины, которое способно доставить верную картину действительности помимо голого рацио («арифметики»). Чуждый идее первостепенности социально-бытовой прагматики, писатель был всецело поглощен прагматикой художественно-эстетической, выстраивая сюжеты произведений и характеры персонажей в направлении получения желанного результата — верности передачи читателю определенной точки зрения на явления, события, мир в целом, в этом он был безусловным прагматиком. Его жизни и созданным произведениям была присуща редкая для артистической натуры точность и цельность: все его поступки, идеи и творения творчески освещены одной, вполне ясной тенденцией и связаны общей целью, определяя общую целесообразность его жизни и творчества; важно также и то, что он отдавал себе в этом отчет.

Еще в юности, выбирая для себя путь профессионального литератора, Достоевский опробовал письменно-словесную коммуникацию в переписке 1838–1844 годов с братом Михаилом, это был первый практически освоенный им канал литературно-художественной связи; осознав все его достоинства и возможности, он определил его в качестве основы композиции дебютного романа «Бедные люди». ³ Уже в эти годы он отчетливо понимал, насколько значительна роль воспринимающего текст; даже в условиях максимальной художественной активности инициатора коммуникации и при высоком уровне его литературного мастерства сообщение рождается в зоне, находящейся между отправителем и получателем информации и становится продуктом совместного творчества писателя и читателя. Осознание величайшей ценности контакта с ближним своим отозвалось в писательской судьбе Достоевского в его устойчивом интересе к журналистике, закрепившемся в работе над журналами «Время» (1861–1863), «Эпоха» (1864–1865), «Гражданин» (1873–1874), и в «Дневнике писателя» (1873, 1876–1877, 1880–1881).

Диалог автора с читателем, опосредованный повествователем произведения, не был для писателя самоцелью. Любое сообщение, инициированное отправителем информации, и Достоевский здесь не исключение, имеет прагматический смысл, который заключается в оказании некоего ментального воздействия на воспринимающего, который соглашается принять информацию на условиях доверия к источнику. Далее происходит процесс перевода с языка автора на язык воспринимающего, с тем или иным уровнем достоверности и полноты передачи смысла. Творческое наследие Достоевского, равно как и любого другого писателя в любую эпоху, представляет собой информационные действия с вполне очевидной прагматической направленностью, которая состоит из двух компонентов — телеологии поэтико-языковой и телеологии нравственно-онтологической, фиксируя те изменения в видении мира реципиентом, ради реализации которых и был создан данный текст. На первом прагматическом уровне автору было бы желательно добиться приведения своей информации к получателю в максимально адекватном замыслу отправителя виде. Достоевский придавал этому важное значение, об этой необходимости полноты понимания он писал в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве»: «...художественность, например, хоть бы в романе, есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение» (18, 80). На этом пути писатель учился у А. С. Пушкина, Тихона Задонского, инока Парфения, многих других почитаемых им авторов, вопрос об источниках формирования творческого стиля Достоевского изучен достаточно полно.

Другой вопрос — общая прагматическая основа жизни и творчества Достоевского, которую можно представить и в более острой версии: ради чего и зачем он создавал свои тексты. Объяснение в духе философии утилитаризма — в роли профессионального литератора ради получения денег на проживание — не выглядит слишком убедительным.

³ См.: Барит К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди. М., 2015. С. 379–514 (сер. «Литературные памятники»).

тельным, учитывая содержание всего того, что оставил нам писатель в своем наследии. Выяснение этого вопроса не может быть заслонено общими фразами о его сострадании к «униженным и оскорбленным», о его «гуманизме» или о стремлении утвердить начала экзистенциальной философии. Эти и такого рода объяснения расщепляют творчество Достоевского на противоречащие или мало сопоставимые друг с другом фрагменты, в то время как оно было неразрывно цельным, любой текст его творческого наследия в окончательном своем значении полностью соответствует общей цели его жизни и творчества, которые являют собой нерасторжимое единство и освещены одной идеей.

В основании этой общей руководящей идеи лежала «органическая» теория, которая имеет связь и с «филантропической» идеей Просвещения, и с философией Ф. Шлегеля, и с трудами первыми принявших ее на вооружение старших славянофилов, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, затем была развита А. А. Григорьевым и Н. Н. Страховым, другими авторами круга «Времени» — «Эпохи». Ее реализация в творчестве Достоевского шла на двух уровнях — идеологическом, в русле доктрины «живой жизни» и почвенничества как прямого вывода из «органической» теории в сфере решения общественных и социальных вопросов, а также литературно-прагматическом, управляя деятельностью героев-философов, определяя общее направление сюжетов, формируя событийную канву произведений. Борьба «живой жизни» и всего мертвого и косного, мешающего естественному состоянию мира, является лейтмотивом творчества писателя, транслируя общую идею «органической» философии, которая фундаментально определяла произведения писателей-почвенников — статьи Григорьева, философские труды Страхова, художественные произведения Достоевского.

В основе «органической» концепции находится мысль о том, что мир представляет собой целостное живое и одухотворенное единство, которое обладает смыслом и разумом, типологически подобно биологическому индивидууму, в котором человек — важнейший «узел бытия» мирового единства, связующее звено между материальным миром и Богом.⁴ Отсюда вытекает ответ на вопрос о цели его существования — своими личными усилиями распространить действия универсального принципа «органичности» на все доступные ему сферы культуры и общественной организации. Социально-общественная и антропологическая доктрина почвенничества являет ответ на поставленный перед собой Достоевским еще в юности «вековечный вопрос» о Боге, о мировом предназначении homo sapiens и его месте в Мироздании, требует связать человека с тем, от чего оторван и что грубо искажает смысл его жизни и всего сообщества людей в целом, — с религиозно-нравственной «почвой», на которой только и произрастает все ценное, что смогла выработать человеческая культура за минувшие тысячелетия.

Гносеология почвенников-органицистов отталкивалась от идеи о том, что полная информация о мире чистому разуму недоступна, претензии Гегеля на охват всего сущего формально-логической системой тез и антитез несостоятельны, любые умозрения и теоретические конструкции неизбежно расщепляют единство окружающего нас живого мира, требующего синтетического, целостного взгляда, погружения в глубины его жизни и духа. Отсюда скептическое отношение почвенников к любым теориям и умозрениям, базирующимся на формальной логике. Философская методология «органической» теории, в нравственно-эстетическом аспекте развивавшаяся Григорьевым, содержится в работах Страхова, который определил центральную ее мысль как связность, единство и цельность всех явлений частной и общественной жизни человека.⁵ Согласно Страхову, мир представляет собой стройную систему и иерархию тел, предметов, фактов и сущностей; в соответствии с этим, в познании требуется принципиальная опора на «глубины человеческой сущности <...> где сливаются дух и тело, где <...> сосредоточено все наше существование».⁶ Основным методическим правилом

⁴ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. М., 2019. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ *Страхов Н. Н.* Жители планет // *Время*. 1861. № 1. Отд. II. С. 21.

в «органическом» анализе реальности, понимаемой как безусловное совершенство и «гармония», является стремление увидеть и зафиксировать смысловые связи факта или явления со всем Сущим, опираясь на наличные признаки, следы этой связи, в рамках правила: любое явление отражает в себе особенности функционирования Целого, в то время как «человечество есть какой-то единый организм», также подчиняющийся действию общего закона.⁷ Продвигая эту концепцию, сотрудник «Времени» и «Эпохи» Д. А. Аверкиев (1836–1905) предполагал, что организм Вселенной представляет собой «нечто цельное, неделимое, законченное в самом себе; монаду, развивающуюся по своим собственным, присущим ей, законам. Не внешние причины строят организм, а он сам развивается изнутри...».⁸ Все это, разумеется, касается и человеческой индивидуальности, которая в переживании ощущения этой связи с Целым получает от него сигналы и способна выстроить правильные отношения со своим окружением, преодолевая нравственные провалы и все виды социальных «расколов». Для движения в этом направлении человек должен сознательно акцентировать «чувство органической связи между явлениями жизни, чувство цельности и единства жизни»,⁹ воспитывая в себе навык прямой причастности к вечности мироздания, жизнь в его пределах. Из этой основной мысли органицисты делали ряд выводов, образующих эстетическую, общественно-политическую и религиозно-нравственную концепции их проекта.

Отличие от деятеля в общественно-политической сфере, который адресуется к «массе», стремясь придать своим идеям максимально общепринятый характер, художник слова стремится к тому, чтобы его мысль и ценности были близки читателю с его личным, неповторимым взглядом на реальную действительность. Если политик начинает с общего, докапываясь до признания его идеи индивидуальностью, Достоевский обращается к индивидуальности, которая, следуя логике его нарратива, идет к познанию законов, общих для всего Мироздания. В первом случае с помощью внешнего информационного давления автор пытается внедрить в жизнь некую априорную ценность, во втором, предоставляя реципиенту полную свободу выбора, приводит его к естественно-органически присущей лично ему точке зрения, фактически делая выработку его жизненного кредо актом самосознания. Проводя мысль читателя через ряд событий, Достоевский создает в его сознании паттерн информационного обмена с внешним миром, действующий как представление-посредник, благодаря которому «органическое» мировосприятие становится нормой в оценке событий реальной жизни, способствуя возрастанию нравственной требовательности человека к себе, литературные сюжеты подвигают к сюжетам общественным.

Действуя в этом направлении и избегая опасности прослыть навязчивым пропагандистом, в своем литературном творчестве Достоевский применял метод опосредованной фокализации, в прагматическом повествовательном фокусе собирая систему ценностей, в которой звучит основная мысль. В романе «Братья Карамазовы» эту роль играют «беседы» старца Зосимы, которые формируют концептуальную базу «органической» концепции, управляющую затем «деятельностью» Алеши Карамазова и связывающую сюжетную линию романа. В зачине произведения содержится описание характера Алеши Карамазова, с наибольшей полнотой воплощающего собой антропологический концепт «органической» доктрины. Здесь мы видим ряд прозрачных намеков, легко понятных читателям «Дневника писателя», в котором весь комплекс идеи живого «мира как целого» и человека как ответственного за него «узла бытия» отражен в десятках связанных с этой темой статей. Отвечая на вопрос о «примечательности» Алексея Федоровича, нарратор указывает, что он, «пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся», выглядящий белой вороной на фоне «всеобщей бестолочи», потому составляющий собой «сердцевину целого», причем, парадоксальным образом, «остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным

⁷ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. М., 2010. С. 503.

⁸ Аверкиев Д. Аполлон Александрович Григорьев // Эпоха. 1864. № 8. С. 3.

⁹ Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 59.

ветром, на время почему-то от него оторвались...» (14, 5). Основная интрига романа — «выяснение» сути той «деятельности», которую будет осуществлять главный герой. Под влиянием старца Зосимы, «беседы» которого со своим воспитанником полны аллюзий на книгу Страхова «Мир как целое», Алеша Карамазов испытывает мистическое озарение своим единством с Сущим (14, 327–328) и далее выстраивает свои связи с окружающими, формируя общество нового типа, собирающее людей чувством братской любви, заменяющее гражданско-юридические отношения иными — на основе апелляции к живому ощущению причастности вечному Целому мироздания, приносящему человеку онтологическую, а значит и нравственную, устойчивость — писатель был убежден, что без веры в вечное существование нравственность принципиально невозможна.

Эти взгляды имеют очевидную религиозную подоплеку, в таком ракурсе мир понимался как созданное Богом «стройное целое, или, как говорят, — гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать — иерархию существ и явлений».¹⁰ Фактически, почвенниками во главе с Достоевским была создана экзистенциальная философия на гносеологической основе интуитивизма, задолго до трудов А. Бергсона (1859–1941) и Н. О. Лосского (1870–1965). В представлениях авторов круга «Времени» — «Эпохи» «организм», «жизнь», «жизненный процесс», «живые силы» «складываются в устойчивый синонимический ряд понятий, наиболее точно передающих до конца невыразимую смысловую глубину реальности».¹¹ Для Достоевского эта концепция обрела черты апологии «жизни духа» — онтологического оправдания человека, который может и должен опереться на живое религиозное чувство, дающее непосредственное, внелогическое знание связей между явлениями в мире. Обращенное на ближнего своего, оно переходит в братскую любовь и стремление к творчеству — социальному, бытовому, художественному.

Нет сомнений, что эта идея была унаследована почвенниками от старших славянофилов. Страхов указал на парадокс в корневых положениях немецкой философской мысли, в частности, на противоречивость представления о разуме, способном «распоряжаться жизнью»; тот же протест против вселия логики обнаруживается и у старших славянофилов, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, далее — у Ап. А. Григорьева, с сарказмом фиксировавшего главное достижение классической немецкой философии — «крайние пределы» развития человечества.¹² Действуя в том же направлении, Страхов требовал отказа от «механического» взгляда на физический мир, окружающей человека: «...истинный натуралист отказывается от слепой веры в свой разум, ищет откровений и указаний не в собственных мыслях, а в предметах. Тут есть вера в то, что мир и его явления гораздо глубже, богаче содержанием, обильнее смыслом, чем бедные и сухие построения нашего ума». Философ отрицал «высокомерие и недоброжелательство» в восприятии реальности, ведущие к «слепоте и глухоте к явлениям жизни».¹³ По мнению почвенников, естественная органическая связь человека с мирозданием не укладывается в прокрустово ложе рационализма, за пределами которого остается огромная область реального бытия, открытая «не уму, а только сердцу».¹⁴ Эта мысль принадлежит Киреевскому, который писал о ложности пути поиска «отдельных понятий», соответствующих требованиям веры, предлагая «самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою». Согласно его идее, «цельная истина» требует «цельного разума», и только таким образом разум может пробиться к истине.¹⁵ С такой постановкой вопроса был солидарен Григорьев, отмечая как главную

¹⁰ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. С. 10.

¹¹ *Богданов А. В.* Политическая философия почвенничества: А. А. Григорьев, Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 30.

¹² *Григорьев А. А.* Критическое обозрение // *Время*. 1861. № 4. С. 213.

¹³ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. С. 380, 388.

¹⁴ *Страхов Н. Н.* Предисловие // Григорьев А. Соч. СПб., 1876. Т. 1. С. П.

¹⁵ *Киреевский И. В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 271–273.

опору органического подхода «веру в безграничность жизни», в высокой степени свойственную Хомякову.¹⁶ Вместе с тем почвенники не абсолютизировали ни славянофильский интуитивизм, ни западнический рационализм, каждый из которых находил себе место в их органической теории: «Теория и жизнь, вот Запад и Восток в настоящую минуту»,¹⁷ — писал Григорьев, в очередной раз указывая на заведомую ущербность любой теории и приветствуя живую натуру. Принципиальную безжизненность схоластики Григорьев усматривал в том, что она всегда есть вывод из опытных данных, т. е. уже прошедшего, в то время как «прошедшее есть всегда только труп, <...> в котором анатомия доберется до всего, кроме души».¹⁸ Здесь же коренится и известная сентенция Достоевского о том, что лучше Христос (полное воплощение «живой жизни») «без истины», чем «истина» (теория, формирующая прошедшее) «без Христа» (28-1, 176).

Разумеется, особой мишенью для критики со стороны Достоевского и его соратников был главный панлогист немецкой философии Г. Гегель, которого писатель именовал «клопом»,¹⁹ имея в виду принципиальную приземленность и ограниченность его взгляда на мир. Григорьев также резко оспаривал концепции рационализма, развитые немецкой классической философией, которая, по его мнению, уводила мысль от центральной идеи — обнаружения органического единства между реальностью жизни человека и устройством Вселенной как промысла Бога. В своих «Парадоксах органической критики» он жестко критиковал деспотизм схоластических теорем, которые убивают жизнь,²⁰ глухоту нравственного чувства, не участвующего в процессе познания,²¹ в то время как именно «духовное зрение» есть важнейший «регулятор» верности выводов и их соответствия истине. Достоевский своей известной идеей о чрезмерном доверии человечества к разуму, осмысленном как «болезнь»,²² выражал резкий протест против рационализма, который удовлетворяет «одной только <...> рассудочной способности», однако «натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет» (5, 115). Отсюда вырастает требование гносеологической модели, которая не входила бы в конфликт ни с одним из фактов и явлений реальной действительности, необходимо включая в себя и григорьевскую «тайну жизни»,²³ и идею Страхова о цельности Мироздания, и любой аспект «вековечного вопроса» Достоевского (28-1, 63).

Основой телеологии Достоевского являлось стремление коренным образом переделать современного человека, избавив его от нравственной, социальной и онтологической ущербности, для чего необходимо изменение представлений об истине как организирующем факторе ценностной системы и смысле окружающей реальности. Исходной идеей писателя была уверенность в том, что человек — существо переходное, «недоделанное» (7, 77), это несовершенство входит в замысел Бога, который предоставляет человеку свободу выхода на новый телесно-духовный уровень бытия. Органицисты верили, что человек обязан это сделать в русле своей функции как органической части Вселенной, путем резкого подъема уровня самосознания и ответственности, «самоисправления», в духовном росте и духовно-телесном преобразении заключается смысл его существования как парадоксального, принципиально несовершенного существа.

¹⁶ Григорьев А. А. Критика и эстетика. М., 1980. С. 164–165.

¹⁷ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917. С. 226.

¹⁸ Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 378.

¹⁹ Идеальное воплощение идеи «живой жизни», Иисус Христос, противопоставляется Достоевским «немецкому клопу» Гегелю, который «хотел всё примирить на философии и т. д.» (24, 112).

²⁰ Григорьев А. А. Парадоксы органической критики // Эпоха. 1864. № 5. С. 260.

²¹ Григорьев А. А. Н. А. Добролюбов // Время. 1862. № 3. С. 45.

²² «...слишком сознать — это болезнь, настоящая, полная болезнь» (5, 101).

²³ Григорьев А. А. Парадоксы органической критики. С. 268.

Возможность решения этой задачи виделась Достоевскому реальной в связи с тем, что Творение — продолжающийся процесс и человек самим фактом своего наличия в мире призван принять в нем посильное участие. В своей работе почвенники-органицисты исходили из того, что государственная власть, тотально владеющая телами и социальными статусами граждан, принципиально ущербна, так как не в состоянии положительно влиять на духовное состояние своих граждан, из которого может исходить позитивное социальное движение. Методы насилия и подавления, ограничивая свободу проявления воли человека, губят его творческий потенциал, тем самым наносят вред социальному строительству. Из этого ими был сделан вывод о необходимости ненасильственного нравственного влияния на внутренний мир человека, воспитания в нем онтологической уверенности в себе как необходимом и значительном компоненте разумного Мироздания, в котором индивидуум выступает в роли отдельного органа единой Вселенной, из чего только и возможно явление в нем эмпатии, братского чувства, в свою очередь порождающего позитивное социальное действие, делание добра, тем самым формирующего культуру нового типа, построенную не на насилии, но на внутренней потребности человека к реализации своей свободы, которая в органической связанности с Целым есть добрая воля. В русле такого направления социального действия меняется сам характер общественных отношений, формируются соответствующие этому характеру новые институции. «Внешняя церковь», представленная учреждением, слившимся с государством, заменяется, согласно проекту Хомякова, церковью «внутренней», основанной на свободном и живом религиозном чувстве, сосредоточенной не на обрядах и ритуалах, но на одухотворении любого и каждого движения мысли и тела человека. Нигилистические и материалистические интенции, считал Достоевский, критиковать при этом не обязательно, они исчезнут как несостоятельные, лишённые всяких оснований: мировоззрение, построенное на органически присущей человеку свободе выбора, закономерно выведет его к свету из тьмы политически устроенного общества. Насилие и зло в целом потеряют в этом случае условия для возникновения, освобожденный от внешнего давления «органический» гомо сапиенс получает тем самым возможность нравственного перерождения.

Согласно логике «органического» подхода, осмысление человеческим индивидуумом бытийного соответствия самому себе становится мощным мотивом для формирования в нем нравственного чувства и творческого импульса, готовых проявить себя в любых областях общественной жизни. Для Достоевского эти два понятия были почти синонимами — творчество есть нравственная сила, обращенная в действие.

Не исключено, что автоаллюзией является реплика идеального почвенника Князя, героя неосуществленной версии романа «Бесы», который требует от современников стать «новыми людьми», «начать переработку с самих себя. „Я не гений, но я, однако же, выдумал новую вещь, которую никто, кроме меня, на Руси не выдумывал: самоисправление“» (11, 117). Проектируя встречу своего персонажа с Голубовым, Достоевский формулирует это «первое и последнее» условие переделки мира: «Более ничего не нужно, всё в одном этом» (11, 117). Писатель верил, что в результате будут решены все проблемы человечества — социальные, межнациональные, нравственные, культурно-исторические. Реанимировать омертвевший неорганический характер общественной системы возможно только внутренней работой индивидуума над собой: с помощью грубого силового давления можно поменять модель поведения члена общества, но изменить его миропонимание или исправить его принципиальное несовершенство невозможно. Отчетливое осознание себя частью Мироздания избавляет от рабского стремления прилипнуть к чему-то условному и сомнительному — партии, другому человеку («сильному мира сего»), популярной идеологии, профессиональному сообществу, расе, нации и пр., отделяющим одну группу людей от другой. Многообразные «расколы» такого рода на протяжении всей жизни терзали душу писателя. «Органический» человек, преодолев внутренние и внешние разрывы и расколы, ощущает мир как единство, в котором он сам есть значимая, существенная величина. Поэтому он суть «всечеловек», не замкнутый ни на своем биологическом бытовании, ни

на своей причастности к чему-либо внешнему и отдельному. Достоевский был уверен, что преобразование социальной действительности непосредственно вытекает из внутреннего статуса человека, который перевернет реальность, изменившись внутренне.

Мысль о необходимом снятии всех противоречий социальной жизни, если люди нравственно уподобятся Иисусу Христу, многократно повторяется в черновиках к «Бесам»: «все будут Христы», «все взаимно и будут счастливы», «не будет бедных», «станет невероятен «пауперизм», окажутся невозможными «теперешние шатания».²⁴ Для успешного осуществления этой задачи, разумеется, необходимо хорошо владеть общественным кодом эпохи, и именно с этой целью писатель, как об этом свидетельствуют многие мемуаристы, постоянно читал газеты, не только русские, но и ведущие европейские. Это делалось именно для знакомства с социокультурным кодом современности, на языке которого он планировал провести акт эстетической коммуникации, ориентируясь на те знания и представления, которые были приняты в когнитивной базе русского культурного сообщества середины XIX века.

«Вековечный вопрос» Достоевского о цели и смысле человеческой жизни, заданный в юности, в 1860-е годы, привел его к ответу в виде проекта художественного слова как прагматического «дела», способного коренным образом изменить мир к лучшему, применив возможности художественного слова; если с помощью формирования новых ментальных моделей поменять ракурс видения мира, то можно создать предпосылки и для внешних перемен. Повторяя выкладки философов-органицистов круга журналов «Время» и «Эпоха», К. Ясперс писал: «Отдельный индивид сознает себя стоящим на своем месте, имеющем особый смысл внутри целого и определяется последним. Его коммуникация — это коммуникация отдельного члена с организмом. Он отличается от всех остальных, но составляет с ними одно в объемлющем их порядке».²⁵ Достоевский понимал, что современный «недоделанный» гомо сапиенс с более или менее присущими ему компонентами видоплясовщины и смердяковщины не только не способен образовать «братство», но, будучи помещен в единственном экземпляре в уже готовое братство, разрушит его изнутри; художественный анализ этой ситуации содержится в рассказе «Сон смешного человека». Поэтому процесс перехода к «новому Адаму», по его мысли, должен быть длительным, разумеется, во многих поколениях, однако никакой альтернативы ему нет.

На пути к этой цели братья Достоевские, Григорьев и Страхов, а также ряд пришедших к ним писателей и публицистов пытались обратить журнал «Время» в своего рода социально-общественный институт, призванный актуализировать религиозное чувство сограждан и направить его на восстановление целостного, органического единства с миром, утраченного из-за ряда историко-политических казусов русской общественной жизни: религиозного раскола 1650-х годов, культурного раскола в результате реформ Петра I, социального раскола, вызванного указами Екатерины II. Они стремились, в русле идей Н. В. Гоголя и А. М. Бухарева, вывести новозаветные правила из рамок красивой и всеми уважаемой теории и обратить их в реальную повседневную практику во всех областях жизни и на всех уровнях социума.

Мысль о создании в виде «толстого» журнала реального социального института преобразования общества возникла у Достоевского, вероятно, в первый год после возвращения из ссылки (1859). Проект многими считался и считается утопическим, и он действительно утопический, но не потому, что перерождение человечества к лучшему невозможно. Утопизм затеи Достоевского относится более к тому, сколько сможет терпеть правительство существование печатного органа, смысл деятельности которого заключается в уничтожении тех основ, на которых держится государственная власть, причем не только конкретно России XIX века, но вообще — любой государственной власти в любом ее варианте. К середине XIX века литература стала самым мощным

²⁴ Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: Дипломатическая транскрипция. СПб., 2021. С. 225, 299, 291–292.

²⁵ Jaspers K. Vernunft und Existenz. Groningen, 1935. S. 54. Рус. пер. цит. по: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 14.

общественным инструментом в стране, и совершенно не случайно ревнивое и подозрительное отношение светской и церковной цензуры к творениям таких людей, как Хомяков, который в роли одного из лучших богословов России был вынужден печатать за границей свои произведения, Гоголь, который едва ли не был объявлен сумасшедшим за его «Выбранные места», Бухарев, который в знак протеста против запретов на публикацию книг отказался от сана архимандрита, Достоевский, которого лишили журналы за честную статью, Страхов, применивший «органический» метод к анализу выступления Польши за свою независимость. Но Достоевский и после краха журнала «Эпоха» (1865) продолжал свое «дело», все его произведения — пять романов, несколько повестей и рассказов, «Дневник писателя» — направлены на решение основной прагматической задачи его жизни по формированию интеллектуально-информативной среды, в которой нравственность человека имеет шансы перестать деградировать и, напротив, выбраться из наличной мрачной ямы к свету преображения — социально-культурному, антропологическому, интеллектуальному и нравственному. Случайно ли именно Достоевский (6 мая 1849 года) читал в кружке Петрашевского ответ Белинского на «Выбранные места» Гоголя, как мы понимаем сегодня, вряд ли с полным сочувствием к автору? Идея, подхваченная у Гоголя,²⁶ стала основой писаний Бухарева, которого слышали многие, в том числе Григорьев и братья Достоевские. Они сделали эту идею знаменем почвеннической доктрины, пытаясь обратить ее в реальный проект, опираясь на печатное слово как мощный и продуктивный метод коммуникации, способный изменить внутренний мир человека, ракурс его восприятия реальности, следовательно, и общество как систему институтов.

Литературная коммуникация, фактически, представляет собой процесс перевода данных из системы ценностей передающего в систему ценностей принимающего, с готовностью реципиента к сознательному и добровольному изменению параметров своей точки отсчета, своего способа видения действительности. В этом процессе усваиваются одновременно и текст об «органическом» мире, и код этого мира, который меняет сам способ понимания реципиентом смыслов, заставляя его отказываться от привычных моделей. Необходимым условием здесь является то, что Бахтин называл «положительно-приемлющим восприятием» — уровень готовности реципиента принять новые условия функционирования личной системы ценностей, основанные на критическом отношении к себе и готовности к преображению. Понятно, что этот уровень готовности зависит от образования и внутренней культуры реципиента, определяя его возможности порождать в процессе чтения эстетические события. Мотивом акта коммуникации в социальной сфере выступает требование к другому выполнить некие ценные для отправителя действия, но в эстетической сфере по-другому, здесь налицо требование реципиента к отправителю дать ему сообщение, с помощью которого он мог бы переосмыслить содержание и рейтинги своей системы ценностей.

Персонажи Достоевского, начиная с «подпольного» («Записки из подполья»), примеряют к жизни, в том или ином ракурсе, «органическую» концепцию либо как руководство к действию (органические Мышкин и Шатов — возможностью совмещения своей идеи с общественными нормами, с отрицательным результатом), либо от противного (Раскольников, Ставрогин, принципиальная неорганичность которых ведет одного к возрождению, другого к смерти), либо опосредованно (Макар Долгорукий, старец Зосима, Алеша Карамазов — в роли носителей и проповедников идеи об осмысленности и органичности мира, способной увлечь и воспитать новое поколение) — в этом заключался круг прагматических творческих задач писателя и надежд на будущее страны, ради чего и делалось «дело» его литературной деятельности. На том, что его тексты именно «дело», а не что иное, Достоевский не раз настаивал: «Не беспокойтесь, это вовсе не так глупо. Я знаю, что пишу правду и дело. Только поняли ли вы-то меня?» (20, 198), — не без оснований сомневаясь в том, что будет понят правильно.

²⁶ [Феодор, архим. (Бухарев А. М.)]. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860.

Писатель понимал, что литературный текст самоорганизуется в процессе своего бытования,²⁷ его коммуникативная прагматика реализуется в русле этого важнейшего свойства. Борясь за внимание читателя, большей своей частью сориентированного на бульварную литературу, он маскировал под увлекательные детективные истории философские мистерии, требующие серьезного нравственно-философского усилия. Отличие криминальных историй, рассказанных Достоевским, от классического детектива заключается в том, что он эксплуатирует присущее детективной истории удовольствие от временного неведения и скорого разрешения загадки, заменяя вопрос о том, «кто убил (украл)?» вопросом «в чем смысл твоего (любого другого) существования?». Эту замену, даже в облатке увлекательной романной интриги, отнюдь не все могут выдержать, отсюда известная фраза «Достоевского трудно читать», автор которой свидетельствует тем самым о невысоком уровне своего нравственного развития. Эта проблема — одна из самых сложных среди тех, с которыми столкнулся писатель на своем творческом пути, благоприобретенная тупость любителя массовой литературы пародировалась им уже в дебютном романе «Бедные люди».²⁸ Чтение, по Достоевскому, это реальное «дело» преобразования себя в рамках позитивно эволюционирующего Творения, участие в котором вменено в обязанность каждому человеку самим фактом его существования.

Отображая различные варианты отклонений от выясненного мировым культурным сообществом идеала, Достоевский предлагает читателю освободиться от предвзятостей и поместить описываемые события в контекст мировой истории, понятой как органичное с жизнью индивидуума со-бытие, и тем самым на основе свободного неангажированного размышления, освобожденного от популярных клише, в его сознании может возникнуть правильное представление о сути происходящего. Часто при этом писатель действует от противного — для утверждения позитивной идеи нарратор сообщает о ряде событий, идущих вразрез с ее позитивным смыслом. Шокирующие признания, неприличные поступки, бурные споры и скандалы, которыми уснащены произведения писателя, — не самоцель, все они прагматически нацелены на актуализацию в сознании читателя вопроса о сомнительности обывательской модели жизни, на вопрос о сущности бытия, о месте человека во Вселенной. Задача — притягивание внимания реципиента к вековечному вопросу, решение которого только и делает человека человеком, как это было определено им еще в юности (28-1, 63).

Каждый по-своему, философы-органицисты переходили от теории к практике, основываясь на уверенности, что постичь внутреннюю суть жизни возможно лишь «цельным взглядом», с помощью «органического» видения мира, выраженного в художественном слове. Такого рода «духовное зрение» Киреевский описывал как состояние, когда разум поднимается на новый уровень освоения действительности, основываясь не только на опытных физических данных, но и на религиозном чувстве, интуиции.²⁹ Этим достигается то «целостное видение» мира, в котором ни одна из частей реальности не уходит из сферы внимания, преодолевается однобокость и ущербность вывода из наблюдений. В качестве примера такого рода победы «органического» мировосприятия над мертвым умозрением Григорьев приводил тургеневский роман «Дворянское гнездо», где борьба «славянофильства и западничества» завершается в почвенничестве «победою жизни над теориями».³⁰ Эта концепция была основой, на которой держалась творческая деятельность Григорьева, Страхова и братьев Достоевских, включая их общественно-религиозную доктрину строительства в стране подлинно христианской культуры.

В произведениях Достоевского «органический» принцип работал и на уровне идеологии, и на уровне сюжетики, и в форматах наррации. Любой обмен информацией

²⁷ Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. С. 152.

²⁸ См.: Достоевский Ф. М. Бедные люди. С. 566–571.

²⁹ По Киреевскому, интуиция ведет сознание к истине более верным путем, чем схоластические теории, от гнетущего давления которых необходимо отказаться (Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 274, 292–293).

³⁰ Григорьев А. А. Апология почвенничества / Сост. и комм. А. В. Белова. М., 2008. С. 355.

в его произведениях, внетекстовый (нарратор — реципиент) и внутритекстовый (контакт двух действующих лиц), требует третьей точки зрения, которая предполагает оценку происходящего с нравственно безупречной позиции — не ангажированной идеологически, политически или конфессионально, размещающей оцениваемое в ценностных категориях Мировой истории, при отказе от судебной функции и непреложном положительно-приемлющем настрое, где отрицание не выливается в стремление причинить зло. Таково общее свойство эстетической коммуникации, условием ее существования являются непреложно и неустранимо позитивные связи между принципиально различными субъектами коммуникативного обмена, с заведомо различными мировоззрениями и системами ценностей.

Казалось бы, литературное произведение есть набор более или менее развернутых перформативных высказываний, и чем в этом смысле оно отличается от потока государственных перформансов в виде указов, законов, предписаний, кодексов, уложений, которые сыплются на голову граждан изо дня в день, требуя не делать чего-то под угрозой наказания? В романе Достоевского герой-философ всегда поступает на высшем уровне личной свободы и ответственности, выдавая в окружающую действительность чрезвычайно специфический, особенный набор требований, мнений и предположений, всегда готовый расплатиться за ошибку жизнью или свободой. Таковы персонажи последних пяти романов писателя — Раскольников, Мышкин, Шатов и Ставрогин, Аркадий Долгорукий, Алеша, Иван и Дмитрий Карамазовы. Казалось бы, налицо некое идеологическое давление, оформленное в виде необязательной личной инициативы, такой же набор требований к адресату, который предлагается дискурсом государства, обращающегося к своим гражданам. Однако угроза идеологического диктата в художественной коммуникации снимается, что хорошо понимал Достоевский, в ней действуют иные принципы связей между адресатом и адресантом, нежели в сфере социально-бытовой или административно-деловой.

Коммуникация художественного текста имеет тернарный и двухуровневый характер, резко отличаясь структурно от нехудожественной (бытовой, юридической, философской) коммуникации, которая обладает одноуровневой бинарной структурой. Эта особенность стала основным инструментом осуществления художественной прагматики Достоевского, поставившего на службу идее преобразования человечества закон внутреннего устройства эстетической коммуникации, где позиция третьей инстанции (читателя, воспринимающего произведение) относительно первых двух (тот, кто рассказывает, и тот, о ком рассказывают) принципиально внесудебна и тотально ответственна. Из трех действующих инстанций две вступают в информационный диалогический контакт, а третья избирает ракурс оценки наблюдаемого этического взаимодействия. Эстетическая коммуникация надстраивается над этической, подобно тому как трехмерная модель есть плоскость плюс еще одно измерение. Реципиент создает эстетическое событие усилием своего нравственного чувства. Или не создает, если не уходит с уровня оценки каждого из участников контакта по отдельности, не выходя за пределы чисто этической оценки.³¹ Если в бинарной социально-бытовой коммуникации реципиент выполняет операцию, логически обратную той, которую выполнил отправитель, закодиравший сообщение, то в художественной коммуникации его роль иная — он устанавливает диалог между нарратором и/или персонажами в контекст мировой истории, Провидения, смысла Мироздания, выясняя ценность частного события или поступка в широком контексте, наращивает смысловую и ценностную основу полученной информации, придает ей заведомо большее значение, чем оно было в кодировке отправителя.

Уровень ответственности этого третьего участника эстетической коммуникации прямо определяется уровнем его нравственного чувства, позиция, на которую встает реципиент, требует абсолютного нравственного максимума с его стороны, только в этом случае коммуникация может состояться; этот нравственный максимум для Достоевского

³¹ См.: Баршт К. А. О «металингвистике» М. М. Бахтина // Баршт К. А. Достоевский: этиология повествования. СПб., 2019. С. 388–394.

олицетворялся образом Иисуса Христа.³² Адресатом произведений Достоевского были принципиально равнодушные люди, неслучайно писатель так любил и многократно цитировал «Откровение» Иоанна Богослова: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».³³ Аудитория Достоевского — это наравне верующие и атеисты, важно, чтобы не равнодушные ко всему и вся, сосредоточенные на «жизни в свое пузо». Закрепленная в его смысловой структуре идеология художественного текста является программой восприятия информации, манифестированной или скрытой, формирующей в сознании читателя нечто вроде имплицитной этической инструкции, которая работает затем и в его повседневной жизни, влияя на выбор решений бытовых или экзистенциальных проблем. В сознании читателя, помимо его воли, складываются ментальные модели, которые проявляют себя самым неожиданным образом, заставляя его укладывать свою жизнь в органически естественное русло, ориентируя в нравственной сфере по отношению к полюсам добра и зла.

Достоевский размышлял об этой драматике эстетического: «Трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству, например, „Илиадой“ или Аполлоном Бельведерским, вещами, по-видимому, совершенно в наше время ненужными. Вот, например, такой-то человек, когда-то, еще в отрочестве своем, в те дни, когда свежи и „новы все впечатленья бытия“, взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно прекрасным образом. <...> лет двадцать-тридцать спустя <...> может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не этак, заключалось, бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского, виденного им двадцать лет назад» (18, 77–78). Эти навыки нравственно-онтологического оценивания, которые прививает чтение произведений художественной литературы, создают, верил Достоевский, нечто вроде перспективы глубокого преображения человека. В его сознании образуется сопряженная с органическим Целым последовательность суждений, которые получают практическое отражение в широком круге тем и областей жизни, формируя своего рода фокус нравственного внимания, установку на сам способ усвоения и интерпретации свойств и качеств объекта. В частности, ориентацию на признание смысловой ценности окружающего мира, неотъемлемой и необходимой частью которого является сам человек, органически связанный с мирозданием отношениями долга и служения.

Смысл задачи заключается в том, что и в своей повседневной жизни человек будет применять ту же модель отношения к реальным событиям. Прагматическая ценность такого хода очевидна в том, что писатель не навязывает читателю никакой «правильной» идеологии, но предлагает продуктивный ракурс видения мира, с возможностью вариативного его применения и полной свободы в выборе оценки. Предлагаемая здесь ненормативная эстетика актуализирует естественное стремление человека понять себя и окружающий мир, а постановка себя в позицию реципиента воспитывает навык онтологической ответственности и нравственное чувство, приводит к формированию обновленной системы ценностей. В сюжете своего произведения писатель формирует ментальный контекст, в котором у читателя, занявшего инстанцию заинтересованного реципиента, не остается ничего другого, как принять условия игры и самому, по своей личной доброй воле совершенно свободно занять органически адекватную ценностную позицию, в которой уровень понимания тем выше, чем ниже желание осуждать, негодовать и карать. Негативные эмоции в отношении конкретных проявлений зла обращаются, на том же уровне интенсивности, в любовь к ближнему и желание помочь или спасти от беды. Прагматика Достоевского основана на корневом свойстве художественной коммуникации, в которой реципиент не сливается ценностно-активно ни с одним из героев, но оказывается на линии, отделяющей зло от добра, где первое дезавуируется, а второе обретает жизненную релевантность.

³² «...главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение» (11, 192).

³³ Откр.: 3: 15–16.

Тем самым создание художественного текста оказывается «делом», социально ценным действием, связывающим в общественное единение набор отдельных личностей, принципиально непохожих и несовпадающих в принципах видения мира, но в равной мере воплощающих закон устройства системы ценностей, основанной на идее единства, цельности и смысловой наполненности мироздания. В этой работе Достоевский надеялся опереться на эстетическую восприимчивость читателя, его умение генерировать новые смыслы на основе полученной информации, с опорой на свободное мышление в нравственно-онтологической плоскости, где позиция бытийная определяется позицией нравственной, и наоборот. Об этом писал М. М. Бахтин: «Внутри произведения для читателя автор — совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными, единство *трансгрессионных* моментов видения, активно относимых к герою и его миру».³⁴ Исходя из общей прагматической задачи писателя — за счет изменения отношения человека к миру в результате прочтения его произведений перестроить отношения людей друг к другу, с помощью установления новой общественно-информационной среды осуществить преобразование базовых принципов организации общественных связей. В этом смысле его литературную работу можно определить как ряд художественно-аналитических исследований важнейших версий нравственно-онтологического оправдания человека на материале современного ему русского общества (середины XIX века). Следует оговориться, исследования сугубо религиозно-нравственного, полностью лишённого каких-либо политических тенденций или задач.

Действие этого принципа в эстетической коммуникации Лотман объясняет следующим образом: «Можно рассматривать два случая увеличения информации, которой владеет какой-либо индивид или коллектив. Один — получение извне. В этом случае информация вырабатывается где-то на стороне и в константном объеме передается получателю. Второй — строится иначе: извне получается лишь определенная часть информации, которая играет роль возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри сознания получателя. Это самовозрастание информации, приводящее к тому, что аморфное в сознании получателя становится структурно организованным, означает, что адресат играет гораздо более активную роль, чем в случае простой передачи определенного объема сведений».³⁵ Мобилизуя возможности художественного слова и «органической» доктрины, Достоевский вызвал на бой огромный комплекс культурных клише и социальных обыденностей, которые управляют интеллектуально-общественной жизнью страны. Сложившиеся устойчивые представления, свойственные современникам, писатель обозначал словом «рутина»; в романе «Преступление и наказание» он подвергает художественному анализу донкихотскую попытку победить «рутину» с помощью простого физического насилия, в последующих произведениях методы борьбы с «рутиной» — в отказе от нее внутренним усилием самого человека, в опоре на идеал интеллектуальной и духовной силы и свободы, образ Иисуса Христа. Эта тема свое наиболее сильное выражение получила в «поэме» о «Великом инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы» (14, 229–237).

Со своими читателями Достоевский общался четырьмя способами: нарративами своих произведений, гибридами письма и очерка «Дневника писателя», в личной переписке и во время не очень частых личных встреч. Разумеется, писатель не мог не видеть императивы своего времени, систему популярных литературно-публицистических трендов, набор сложившихся в обществе представлений и ценностных ориентиров. Он пытался найти такого рода кодировку для событийной канвы своих романов, которая максимально полно соответствовала бы горизонту ожидания читателя. Тем самым происходило сотворение той аудитории, которая впоследствии сделала свой вклад в строительство Серебряного века русской культуры, к сожалению завершившегося

³⁴ Бахтин М. М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 263.

³⁵ Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. С. 245.

не новым подъемом, но катастрофическим спадом в результате Октябрьского переворота 1917 года.

Всем строем своего художественного творчества, включая уровень поэтического языка, Достоевский выражал протест против принятой в обществе иерархической коммуникации, априорно устанавливающей заведомое верховенство системы ценностей одного из участников диалога. Этот принцип лежит в основании всех деспотических и авторитарных социальных систем, реализуясь в таких явлениях, как цензура или политический надзор. Вечно длящийся конфликт политической власти и художественной литературы связан с тем, что художественная коммуникация категорически невозможна в рамках иерархической модели, следовательно, любое эстетическое событие опасно для государства, политического режима, имеющего свою идеологию. Отсюда репрессии в адрес художников, часть из которых вообще не выражали своих политических взглядов и не критиковали существующий государственный строй. В этом заключается причина, почему писатель для своего проекта избрал не религиозный или научный жанр произведения, но эстетическую модель, предполагающую наибольшую степень свободы и наибольшую вариативность поиска решения того или иного вопроса без потери ясности в постановке проблемы. Достоевский хорошо отдавал себе в этом отчет: в его первом произведении он подвергает критике неорганический характер социально-общественной жизни, в повести «Записки из подполья» неслучайно содержится утверждение о том, что нельзя ориентироваться на «каменные стены» догм и «дважды два» может быть не только «четыре», но и пять (5, 105).

Нельзя сказать, что Достоевский, Григорьев и Страхов понимали «органическую» концепцию одинаково. Страхов больше сосредотачивался на естественно-научном макроуровне «мира как целого», Григорьев — на формах явления этой идеи в эстетических артефактах, Достоевский — на художественном анализе внутреннего мира человека, его нравственном и онтологическом статусе и управляемых этим поступках и жизненных решениях. Эту принципиальную неразделимость человека и окружающего его мира, отличную от известного и резко критикуемого им принципа «среда заела», Достоевский вынес из юношеских размышлений на эту тему — жизнью человека управляет то или иное решение им корневого нравственно-экзистенциального «вековечного вопроса».

В историко-ретроспективном виде картина выработки «органической» гносеологии выглядит так: идея целостного мира, отношение к которому человека есть отношение части к целому, была принята от старших славянофилов и развита Григорьевым.³⁶ Страхов включил в ее парадигму естественно-научное знание и подал идею в натурфилософском аспекте, Достоевский привнес в нее нравственно-онтологическую проблематику, положив поиск бытийных корней в основу характеров своих героев-философов 1860–1870-х годов: это Раскольников («Преступление и наказание»), Мышкин («Идиот»), Ставрогин, Шатов и Кириллов («Бесы»), Аркадий («Подросток»), Алексей, Иван и Дмитрий Карамазовы («Братья Карамазовы»).

Отметим, что с начала 1860-х годов словосочетание «живая жизнь» регулярно появляется в произведениях Достоевского (5, 176; 13, 178, 219; 15, 296 и др.); среди записей к «Подростку» встречается описание этого феномена, обозначенного как чудо, обычно не воспринимаемое как таковое: «ОН. Живая жизнь — это, должно быть, что-нибудь ужасно простое, самое обыденное, в глаза бросающееся, до того простое, что

³⁶ «Органическая» идея была воспринята почвенниками из трудов Т. Карлейля: человек «не есть просто вершина животного царства, <...> но в нем заключается цель и стремление всего этого царства, которое не имело бы смысла без этого последнего и главного члена, все равно как лестница без храма, в который она ведет» (Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 90; см. также: Микитюк Ю. М. Категории органической теории в идеологии почвенничества // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1. С. 208–216). Не стоит также игнорировать присутствие этой идеи в «Русских ночах» Одоевского, оставивших глубокий след в мировоззрении Достоевского (Баршт К. А. Концепция «нового слова» в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Баршт К. А. Ф. М. Достоевский: новые линии. СПб., 2022. С. 307–314).

мы никак не хотим верить, чтоб всё это было так просто, и проходим мимо, даже и не замечая, *не то что узнавая*» (16, 79). Защищая «органическую» идею, Разумихин в «Преступлении и наказании» говорит: «...если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагаются! <...> Живая душа жизни требует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, — зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется!» (6, 197). Подобного рода терминологию видим в писаниях Григорьева, в статьях которого слова «организм» и «жизнь» имеют значение базовых знаков, обладая нравственно-религиозным смыслом; поиск естественной связи своего бытия со всем остальным, по мнению органицистов-почвенников, закономерно приводил к нахождению связи с Богом,³⁷ а эти поиски, даже вне конечного результата, формируют в человеке нравственную модель, которая, в свою очередь, становится фактором оздоровления общественной культуры. Поиск истины, особенно если речь идет о путях социального развития страны, должен опираться на идею о неотделимости человека и общества от, пользуясь термином Григорьева, «души мира».³⁸ Олицетворением этой «души мира» для органицистов был Иисус Христос, богочеловеческая природа которого со всей очевидностью обозначает собой направление, по которому, согласно их мнению, должно идти человечество в дальнейшем развитии.

Версии возможных путей в этом направлении, изобилующие разного рода препятствиями, образуют сюжетные линии романов и судьбы героев-философов Достоевского, они по-разному пытаются совместить теорию «органической» связи человека с Мирозданием и окружающую их реальную действительность в надежде тем или иным маршрутом провести себя через серию жесточайших испытаний к идеалу братства и «всеединства». Это, как итог длительного и мучительного опыта, происходит с Раскольниковым в «Преступлении и наказании», к этой точке приходит, излечившись в Швейцарии, Мышкин в «Идиоте», к ней движется, просвещенный странником Макаром Долгоруким, Аркадий в «Подростке», ее успешно проходят Алексей и Дмитрий Карамазовы в «Братьях Карамазовых»; не в силах принять эту идею гибнет духовно Иван Карамазов, кончают самоубийством Ставрогин («Бесы») и Смердяков («Братья Карамазовы»), отказываясь от этой идеи на уровне высочайшей нравственной требовательности к себе, погибает Кириллов («Бесы»). Во всех случаях при нарушении принципа искренней приязни как органической, естественной и необходимой позитивно-приемлющей связи с ближними теряется смысл бытия, что ведет к исчезновению или угасанию «живой жизни»; этот принцип универсально действует во всех этических событиях в сюжетах писателя. Увидев эту принципиальную особенность художественного мира Достоевского, где каждый персонаж имеет свой собственный «голос» и глазами которого видится происходящее, Бахтин назвал ее «полифонией».³⁹ Такова экзистенциально-событийная прагматика Достоевского, направленная на тренировку и укрепление нравственного чувства человека, на обучение умению смотреть на мир глазами другого, оценивать событие, применяя чужую систему ценностей. Это залог возникновения братского чувства — что является корневой прагматической задачей писателя: «Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство <...> Были бы братья, будет и братство...» (14, 286–287).

³⁷ Григорьев отмечал, что понятие «жизни» имеет таинственный характер, являя собой «бездну», своей неисчерпаемостью подавляющую рациональные возможности «какой бы то ни было умной головы...» (Григорьев А. А. Парадоксы органической критики. С. 260).

³⁸ Григорьев А. А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Эпоха. 1864. № 5. С. 144.

³⁹ «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского» (Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 2. С. 12).

11. *Kardash E. V. Povest' V. P. Titova «Uedinennyi domik na Vasil'evskom» // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 2009. Vyp. 5 (44).*
12. *Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov: Novye materialy i issledovaniia.*
13. *Makeyev M. S. Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (oчерki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki). M., 2008.*
14. *Nedzvetskii V. A. Konflikt I. S. Turgeneva i I. A. Goncharova kak istoriko-literaturnaia problema // Slavica (Debrecen). 1986. T. XXIII.*
15. *Panaev I. I. Literaturnye vospominaniia. M., 1988.*
16. *Panaeva A. Ia. Vospominaniia. M., 1948.*
17. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. L., 1979. T. 10. Pis'ma.*
18. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2009. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia.*
19. *Pushkin A. S. Soch. Kommentirovannoe izdanie / Pod obshch. red. D. M. Betea. M., 2008. Vyp. 2. Boris Godunov.*
20. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 1995. T. 9.*
21. *Vdovin A. V. Kontsept «glava literatury» v russkoi kritike 1830–1860-kh godov. Tartu, 2011.*

Константин Абрекович Баршт

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Konstantin Abrekovich Barsht

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1152-4083

konstantin_barsht@pushdom.ru

ПРАГМАТИКА ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

THE PRAGMATICS OF F. M. DOSTOYEVSKY'S ART

В статье предлагается гипотеза о ведущей роли в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского органической философии, сложившейся в общих чертах еще в юности, укрепившейся в годы ссылки в Сибири и ставшей основой его художественной практики в 1860–1870-х годах. Выросшая из идей Просвещения, поддержанная старшими славянофилами А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, идея о живой и разумной Вселенной, где человек есть часть ее Целого, была развита мыслителями круга журналов «Время» и «Эпоха» (1861–1865) А. А. Григорьевым, М. М. Достоевским, Н. Н. Страховым, обратившими органическую теорию в прагматический проект «почвенничества», требовавшего восстановления связи человека с Вселенной с помощью живого религиозного чувства и ориентации его нравственности и онтологии на образ Иисуса Христа. Достоевский посвятил последние 20 лет жизни служению этой идее, обратив свое литературное творчество в описание путей реализации нравственного и социального преображения человечества.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, органическая философия, интуитивное познание реальности, проект «почвенничества», цельность и единство Мироздания.

The article proposes a theory concerning the utmost importance of organic philosophy in the art and worldview of F. M. Dostoyevsky; taking its initial shape in his early years, the philosophy was reinforced in the years of his exile to Siberia and informed his literary practices of the 1860s–1870s. The idea of the vibrant and sapient Universe with the human being treated as a part of its Whole emerged from the ideas of the Enlightenment, to be supported by the older Slavophiles, A. S. Khomiakov and I. V. Kireyevsky, and later expanded by A. A. Grigoryev, M. M. Dostoyevsky and N. N. Strakhov, the thinkers from the *Vremya* and *Epokha* literary magazines (1861–1865), who had transformed the organic theory into the pragmatic «soil» movement that called for the restitution of the ties between humans and Universe through the vivid religious feelings and through the orientation of morality and ontology towards the image of Jesus Christ. The last 20 years of Dostoyevsky's life

were dedicated to promoting this idea, while his literary work turned into the description of the ways of achieving the moral and social transformation of Humanity.

Key words: F. M. Dostoyevsky, organic philosophy, intuitive perception of reality, «soil» movement, wholeness and unity of the Universe.

Список литературы

1. Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).
2. Баршт К. А. О «металингвистике» М. М. Бахтина // Баршт К. А. Достоевский: этимология повествования. СПб., 2019.
3. Баршт К. А. Концепция «нового слова» в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Баршт К. А. Ф. М. Достоевский: новые линии. СПб., 2022.
4. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1, 2.
5. Богданов А. В. Политическая философия почвенничества: А. А. Григорьев, Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2002.
6. Григорьев А. А. Апология почвенничества / Сост. и комм. А. В. Белова. М., 2008.
7. Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986.
8. Григорьев А. А. Критика и эстетика. М., 1980.
9. Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5–7, 9, 11, 13–16, 18, 20, 27; Т. 28. Кн. 1.
11. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
12. Лотман Ю. М. Избр. статьи. В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
13. Микитюк Ю. М. Категории органической теории в идеологии почвенничества // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1.
14. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. М., 2010.
15. Страхов Н. Н. Мир как целое. М., 2019.
16. Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: Дипломатическая транскрипция. СПб., 2021.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.*: V 7 t. M., 2003. T. 1, 2.
2. Barsht K. A. *Kontseptsiia «novoogo slova» v «Russkikh nochakh» V. F. Odoevskogo i v «Prestuplenii i nakazanii» F. M. Dostoevskogo* // Barsht K. A. F. M. Dostoevskii: novye linii. SPb., 2022.
3. Barsht K. A. *Literaturnyi debiut F. M. Dostoevskogo: tvorcheskaia istoriia romana «Bednye liudi»* // Dostoevskii F. M. *Bednye liudi*. M., 2015 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
4. Barsht K. A. O «metalingvistike» M. M. Bakhtina // Barsht K. A. Dostoevskii: etimologiiia povestvovaniia. SPb., 2019.
5. Bogdanov A. V. *Politicheskaiia filosofiiia pochvnnichestva: A. A. Grigor'ev, F. M. Dostoevskii, N. N. Strakhov. Dis. ... kand. polit. nauk.* M., 2002.
6. *Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.*: V 30 t. L., 1972–1990. T. 5–7, 9, 11, 13–16, 18, 20, 27; T. 28. Kn. 1.
7. Grigor'ev A. A. *Apologiiia pochvnnichestva / Sost. i komm.* A. V. Belova. M., 2008.
8. Grigor'ev A. A. *Iskusstvo i nravstvennost'.* M., 1986.
9. Grigor'ev A. A. *Kritika i estetika.* M., 1980.
10. Grigor'ev A. A. *Literaturnaia kritika.* M., 1967.
11. Iaspers K. *Smysl i naznachenie istorii.* M., 1991.
12. Kireevskii I. V. *O neobkhdimosti i vozmozhnosti novykh nachal dlia filosofii* // Kireevskii I. V. *Dukhovnye osnovy russkoi zhizni.* M., 2007.
13. Lotman Iu. M. *Izbr. stat'i.* V 3 t. Tallinn, 1992. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury.
14. Mikitiuk Iu. M. *Kategorii organicheskoi teorii v ideologii pochvnnichestva* // Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2011. T. 12. Vyp. 1.
15. Strakhov N. N. *Bor'ba s Zapadom v nashei literature.* M., 2010.
16. Strakhov N. N. *Mir kak tseloe.* M., 2019.
17. *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetraidei F. M. Dostoevskogo k romanu «Besy»:* Diplomatischekaia transkriptsiia. SPb., 2021.